

Марина Эльденберт

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Эльденберт

Поющая для дракона.
Между двух огней

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2018
ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 357

Художник
Е. Никольская

Эльденберт М.

Э53 Поющая для дракона. Между двух огней: Роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 345 с.:
ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2677-5

Он считает, что я в его власти, но он ошибается. Мир иртанов не прощает слабости, а значит, мне придется научиться играть по его правилам. На его условиях. По законам, которые скорее ближе к звериным, чем к человеческим. Чем закончится наше противостояние? Я не знаю. Знаю только, что буду петь. Даже если сердце в огне.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марина Эльденберт, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2677-5

*Читателям, которые были с Леоной и Рэйнаром
все это время.
Спасибо за вашу поддержку и вдохновение!*

ГЛАВА 1

— Отдай кость!

Вцепившись в большую берцовую... Ну ладно, я понятия не имею, как называлась эта кость, которую Марр пытался вырвать из моих рук. Или я пыталась выдрать из пасти Марра, что, по сути, не имело особого значения, мы просто тягали ее туда-сюда. С переменным успехом, потому что сил во мне было не так много, а еще я постоянно зевала. Неудивительно, учитывая тот факт, что я всю ночь читала ирлланские законы — до тех пор, пока глаза не превратились в узенькие щелочки, а мозг не перестал воспринимать информацию. О наставничестве и связанном с Халлораном магическом договоре там ничего не нашло, но сдаваться я не собиралась.

— Развлекаетесь?

— Р-р-рышк!

С таким звуком добыча выскользнула из зубов Марра, когда он отвлекся на вошедшую в кухню сестру. В два прыжка преодолев расстояние до мусоросборника, я метнула кость туда и хлопнула панель, за что заслужила немного укоризненный взгляд виара. Впрочем, сейчас меня гораздо больше волновала Танни, а вот ее интересовал только холодильник. С равнодушным видом дернув на себя дверцу, она окинула взглядом полупустые полки и вытащила контейнер с замороженным быстрым обедом. Такие лежали в морозильной камере на случай, когда совсем нет времени, что случалось довольно часто.

— Я сейчас приготовлю, — сказала, намекая на то, что должно было вскоре превратиться в запеченное жаркое и лежало рубленой горкой на доске. Собственно, пока резала мясо, Марру удалось стянуть кость. — Поедим нормально.

— Обойдусь.

Танни сунула полуфабрикаты в микроволновку, включила таймер и отвернулась. С таким видом, словно ее ничего не касается, от временного потепления и следа не осталось. Впрочем, возможно, и не было никакого потепления, просто мне очень хотелось в это верить. О том, что придется говорить с ней о новой школе, пока старалась не думать. Сегодня я вообще старалась гнать от себя всякие мысли. Получалось с трудом. Но все-таки удавалось.

И вообще. Надо бы уже включить телефон.

Тишину нарушали едва слышный шум микроволновки и обиженные вздохи Марра. Чтобы прервать неловкое молчание, взялась за овощи. Хотя Лэм и говорила, что Танни лучше не трогать и как можно меньше обращать внимание на случившееся с Миком, мне было не по себе. Я то и дело поглядывала на сестру, которая сидела на барном стуле, вытянув ноги и зажав ладони между колен. Понять, что она сейчас чувствует, невозможно. Наверное, только отчасти. Едва разлепив веки в той сладкой полудреме, когда разум еще не отделяет реальность от сна, подумала, что мне приснился дурацкий кошмар. Но потом потянулась к шее и наткнулась на пламенеющую вязь. Пальцы словно разрядом тока ударило, сердце тут же сбилось с ритма, а весь сон как рукой сняло.

— Виу! — Марр решил заявить о себе погромче и потерял об ноги, выпрашивая мяса.

— Ай!

В умилительном состоянии виар растопыривал находящиеся под шерстью чешуйки, чтобы выглядеть еще более пушистым и очаровательным. Может, со стороны это и было мило, зато для человеческой кожи весьма ощутимо даже через джинсы. Танни фыркнула, но тут же снова нацепила маску полнейшего безразличия. Микроволновка запищала, и сестра вытащила контейнер, сквозь дырочки в упаковке потянулся запах горячего. Выхватив вилку из ящичка, она обошла Марра, и мы снова остались на кухне вдвоем.

— Виу! — заявил он.

— Ты прекрасно знаешь, что кости тебе нельзя. Это опасно.

Виар вздохнул. Покосился на мясо, но понял, что больше не перепадет (и так полкуска слопал, пока нарезала), после чего обиженно развернулся попой, плюхнулся на пол и принялся икать, выпуская из ноздрей колечки дыма. Исключительно от голода, видимо. Я же выложила овощи и мясо в большую стек-

лянную миску и отправила в духовку. Стоило захлопнуть дверцу, как перед глазами вспыхнуло яркое воспоминание: первый обед в квартире Рэйнара. Слишком отчетливое и обескураживающее, чтобы успеть закрыться.

Ну уж нет.

Подхватила телефон и отошла к окну: укутанный в снег Мэйстон по-прежнему оставался холодным, как запертый внутри магический огонь. Жаль, что нельзя точно так же запереть чувства, хотя бы на пару дней, пока не пройдет накатывающая волнами боль и заморозка больше не потребует. Зимнее солнце обманчиво раскаляло иглы высоток, лучи впивались в вершину Лаувайс, чтобы отразиться слепящим светом. Смотреть на нее было невозможно даже через бахрому ресниц, прищурившись.

Мобильный ожил от едва уловимого прикосновения.

Пока загружался, я упорно не думала о том, что увижу. Или чего не увижу.

В итоге высветился только пропущенный от Хейда.

Агент звонил мне поздно ночью или очень рано утром. Учтивая, что сейчас перевалило за полдень, выспаться он наверняка успел. Поэтому набрала сразу.

— Что ты вчера сказала Гроу?

Судя по бодрому голосу, Хейд уже давно на ногах.

— Ты только поэтому звонил?

— Этот вопрос я задавал себе всю ночь. Вчера он начал разговор с того, что обожает женщин с характером.

Я закатила глаза.

Мелькнула странная мысль, что, если бы Халлоран узнал о нашей беседе или услышал что-то в этом роде, одним постановщиком в мире стало бы меньше. Представила их лицом к лицу и поняла, что не знаю, как себя поведет Гроу. То есть если Вальнар в такой ситуации стремительно уменьшался бы в размерах и вращал в пол, то вообразить напуганным Гроу никак не получалось. Вообще.

О чем я думаю, а?

— Сказала ему, что все переговоры веду через своего агента.

— И в этом ты права. — Хейд усмехнулся. — Я буду настаивать на внесении корректив в оплату репетиций. И есть еще один пункт, на котором настаивает Гроу. Собственно, о нем я и хотел поговорить.

Что-то в его голосе заставило насторожиться.

— Какой пункт?

Отвернулась от окна.

— Ты должна полностью соответствовать образу Люси.

— То есть?

— Тебе придется сменить имидж, Звездочка. Он хочет видеть тебя блондинкой.

А больше он ничего не хочет?

К счастью, я удержалась от этого вопроса до того, как он слез с языка, зато спросила другое:

— А что ты думаешь по этому поводу?

— Считаю, что это довольно спорный... но интересный ход. Публике нравятся перевоплощения, но чем ближе ты будешь к образу, который раскрываешь на сцене, тем лучше. Тем проще ассоциация.

Значит, решено. Не то это условие, чтобы идти на принцип. В конце концов, почему бы и нет. Мой родной цвет волос светлый, как у Люси. Придать ему какой-нибудь интересный оттенок, и будет замечательно. Как сказал известный фервернский стилист Брайдерматт Торхан, все положительные перемены в жизни начинаются с нового цвета волос. Бриаль Бетрой осталась в прошлом, а Леоне Ладэ пришла пора стать собой.

— Звездочка?

— Меня это не смущает.

— Точно? — удивился агент.

— Точно, — сообщила я. — Если ты считаешь, что этот пункт необходим.

Из трубки донесся смешок.

— Я что-то не то сказала?

— Нет, просто пытаюсь понять, где же я был раньше. Женщина, которая не возражает против кардинальной перемены внешности...

Имеет на это свои причины.

Вслух я, правда, этого говорить не стала.

— Ни за что не поверю, что до меня никто не соглашался сменить цвет волос.

— Соглашались, но знала бы ты, на каких условиях и с какой нервотрепкой...

— Намекаешь, что я должна стрясти с Гроу денег на самого дорогого стилиста?

Хейд расхохотался.

— Для этого у тебя есть я.

Теперь уже я не сдержалась и фыркнула.

— Превосходно, — хмыкнул агент. — В таком случае осталось обсудить с ним то, о чем я уже говорил. В течение часа, максимум двух, сброшу договор. Репетиции начнутся со следующей недели.

Мы распрощались, и я прислонилась к стене, глядя на повоящего носом Марра, его всерьез взволновал аппетитный запах мяса с овощами. Перевела взгляд на дверцу духовки, где отражалась растерянная я с большими глазами. Поверить не могу — репетиции! На следующей неделе. Одно дело предварительная договоренность, совсем другое — договор! Контракт, который станет пропуском на сцену Мэйстонской оперы. Последний шаг на пути к мечте, и от нее отделяет только электронная подпись. Если бы не пламенеющая на шее вязь, я бы пустилась по кухне в пляс.

Сейчас же только отложила телефон и покосилась на таймер.

Молчание Рэйнара напоминало затишье перед бурей. Я бы даже сказала — ураганом, причем гораздо более страшным, чем вчерашняя непогода, укутавшая Мэйстон в белое покрывало. Надо в срочном порядке продолжать штудировать права и обязанности, но пока я не выпью кофе, я ничего изучать не смогу. Пить кофе на голодный желудок тоже не лучший вариант, а обеду еще минут двадцать готовиться.

— Как думаешь, успеем мы погулять?

— Виу, — ответил Марр.

Собралась быстро, на ходу влезла в ботинки и куртку. Вжикнула молнией до подбородка, но вовремя вспомнила, что полностью воротник поднимать нельзя. Поэтому соорудила из широкого шарфа «горку», которая относительно прикрывала шею и создавала подобие кокона. Надеюсь, так не загорится.

Едва открыла дверь, пританцовывающий от нетерпения Марр радостно рванул к лифтам, но тут словно на невидимую стену наткнулся и сделал стойку. Обернувшись, я увидела незнакомца, отделившегося от стены рядом с нашей дверью. Мощного и высокого. Цепкий взгляд не позволял усомниться в роде его деятельности: служба безопасности правящего.

— Добрый день, эсса Ладэ. — Голос мужчины звучал сухо, холодно и жестко, будто вместо человека под дорогим костюмом скрывалась экспериментальная модель робота. Взгляд был точно таким же, а еще смотрел он на меня сверху вниз. Губы на миг искривились, как если бы он на спор разжевал горсть незрелых литтоновых ягод, но только на миг. Потом на лицо верну-

лась ледяная маска. — Меня зовут Дармин Тергран, сегодня во второй половине дня я буду вас сопровождать.

Еще до того, как он заговорил, внутри все похолодело. Если здесь этот человекоподобный шкаф с выражением лица, по эмоциям тоже не особо уступающим шкафу, то Рольген...

— Лидс Рольген...

— Лидс Рольген уволен. — Уголок его губ презрительно дернулся, как будто он говорил о ком-то, кто недостоин его высочайшего внимания.

Не говоря больше ни слова, развернулась и направилась к лифтам, увлекая за собой Марра. Виар потопал следом, изредка оглядываясь на сопровождающего и дергая ушами. Умом понимала, что отделаться от безопасника не получится, но сердце ходило ходуном. Все внутри ходило ходуном, руки мелко подрагивали. Халлоран действительно уволил Лидса. За что? За то, что он помог мне? За то, что не потащил к его ногам, как того требовало его иртвамское бесподобие?

Понимая, что могу наделать глупостей, резко сунула мобильный в карман. Теплые гловелетты позволяли не выпускать телефон из рук даже во время прогулки, но искушение было слишком велико. Поэтому я застегнула карман на молнию и не проронила ни слова. Молчала, когда безопасник шагнул за нами в кабину и когда проследовал за мной через стоянку на улицу, на ходу набрасывая пальто.

Что это, если не конвой? Он сказал «во второй половине дня», значит, в первой был кто-то другой. Кто-то, кто стоял под дверью в ожидании меня, чтобы не смогла выйти из квартиры одна.

И уж тем более куда-то отправиться без сопровождения.

— Вы теперь будете торчать под моими дверями круглосуточно? — спросила, чтобы подтвердить свои подозрения.

— Сегодня да.

— А завтра?

— Мы с напарником будем сопровождать вас посменно.

Что и требовалось доказать. К любому ошейнику полагается поводок.

Грудь обожгло, словно огонь каким-то чудом проснулся, но к огню это не имело ни малейшего отношения.

Чтобы не думать об этом, стремительно зашагала к парку.

Дорожки уже расчистили, а вот газоны остались под снегом. Виар ввинтился в сугроб и взмыл ввысь, распушаясь на лету. Искрящийся в ослепительных лучах снежный фонтанчик на-

помнил о встрече с Вэйларом. Кофе и булочки, фонари, спирали которых рассыпали островки света, и ощущение удивительно уютного тепла, несмотря на падающий снег. Если бы не общалась с ним лично, ни за что бы не поверила, что иртыхан-аристократ может быть таким. В отличие от остальных он никогда не смотрел на меня сверху вниз. Да еще и местрель назвал при первой встрече.

Забавно, что его предположение обернулось правдой.

Солнце отражалось от снега и слепило глаза. Марр радостно ускакал в сугроб, напоследок оглянувшись на сопровождение, — Тергран вышагивал в отдалении, старательно делая вид, что не со мной. Еще и солнцезащитные очки нацепил, и обтягивающую шапочку, в результате стал похож на обычного бизнесмена, который решил прогуляться после бизнес-ланча. Смотрел он куда угодно, только не в нашу сторону, обманчиво-расслабленно засунув руки в карманы.

Идея пришла в голову неожиданно, как вспышка. От волнения даже ладони вспотели, хотя мороз был знатный.

Вот только я при всем желании не могла вспомнить, как зовут этого парня.

Драмир? Дагмар? Дарнгир?

В общем, помню, что там было много «р» и начиналось оно на «Д».

Ладно, разберемся.

— У вас какой оклад? — поинтересовалась без предисловий.

Он как-то многозначительно завис, после чего сдвинул очки на переносицу и посмотрел на меня сверху вниз.

— Вопрос без подвоха, — отмахнулась я. — Ну примерно. Сколько ноликов после цифры? Мне исключительно в практических целях, которые не имеют к вам никакого отношения.

— Я не имею права говорить о чем бы то ни было, только о вашей безопасности, эсса Ладэ.

Понятно.

Дабы не повторилась ситуация с Лидсом, теперь охрана будет меняться. И не только — разговаривать со мной они тоже не будут. Действительно, вдруг кто-то еще попадет под мое обаяние и нарушит приказ.

Подняла голову, мой зверь порхал над деревом и явно примеривался отгрызть веточку, что грозило огромным штрафом.

— Марр!

Виар обернулся и тут же спикировал ко мне. Плюхнулся на дорожку, взметнув облачко снежинок, и стремительно побежал

вперед. Я же ускорила шаг и свернула на боковую аллею. После чего вытащила телефон и набрала номер Лидса, надеясь, что он ответит.

— Привет. — Голос Рольгена не был хмурым, но и веселым его было сложно назвать.

— Привет. Лидс, мне очень жаль.

— Леона, не бери в голову. Это было мое решение.

— Ты потерял работу.

— Зато сохранил дружбу, — хмыкнул он. — Мы же друзья?

— Да. — В горле почему-то запершило. Или просто голос сел, по крайней мере, когда я заговорила снова, прозвучало немножко хрипло. — Конечно.

— Ну вот и здорово.

— Мое предложение все еще в силе. По поводу кофе, — сказала, чтобы разбить нарастающий внутри лед. — И не только.

На миг в трубке повисло многозначительное молчание, которое позволило мне самой немного прийти в себя и сформулировать то, что я хочу, а главное, могу ему предложить. Халлоран его уволил. Но это еще не значит, что он лишился работы.

— Я хочу предложить тебе работать на меня.

— Леона...

— погоди. Позволь, я договорю.

Приглашая Лидса стать моим телохранителем, я снова подставлю его под удар. Но, предлагая ему работу, мне вовсе не обязательно ставить его на пути Халлорана или службы безопасности в лице ферна Норгхара.

— Тот урод оклемается и вспомнит, с кем разговаривал. И кто заставил его свернуть пятой точкой. У этого парня пунктик вседозволенности и виары бойцовской породы. Ко мне он не сунется по понятной причине, но Танни... — Я сделала паузу. — Ей придется ездить в новую школу. Пока еще не представляю куда, но скорее всего это будет достаточно далеко. Ты мог бы защищать мою сестру, Лидс. Если, конечно, ты этого хочешь.

Пауза в трубке повисла еще более многозначительная.

За это время я успела сложить пальцы колечком и досчитать до восьми.

— Значит, кофе, — вздохнул он, и у меня отлегло от сердца.

— Кофе, — подтвердила я. — Сможешь подъехать завтра в обед? Обговорим условия и составим договор.

— Договорились.

— Договорились!

Домой возвращалась в приподнятом настроении. Надо будет сегодня попытаться Лэм (кажется, у ее коллеги муж работает в частном охранном агентстве) о том, сколько стоят услуги безопасника. Точнее, отличного безопасника, коим Лидс и является. Думаю, я вполне смогу себе это позволить. Дело осталось за малым — сообщить Танни, что у нее теперь будет телохранитель.

М-да...

Драгмир-Дармар-Дармхор с кем-то говорил по телефону, я же вышагивала в ногу с Марром, который то и дело дергал задними лапами — подушечки прихватывал морозец. Теперь улыбка не сходила с моих губ. То ли потому, что улыбка после ответа Рольгена просто застыла на моем лице, то ли потому, что после разговора с ним солнце засветило еще ярче. Внутри. И оно никак не зависело от воли и настроения местра Халлорана. По крайней мере сейчас.

Пока поднимались на лифте, безопасник успел «расчехлиться»: снял шапочку, очки и пальто. Почему на него так глазел Марр, оставалось загадкой. Виар переминался с лапы на лапу, дергал носом, посматривал на меня, а к новому охраннику осторожно пододвигался и задира л голову, чтобы поймать взгляд. Но куда уж нам, высокопоставленным, до скромных виарых. Дыр-Дыр отдернул ногу, когда его в осторожном приветствии коснулась лапа, и разве что не скривился.

Бойтся виаров, что ли?

Впрочем, мысли о Марре вылетели из головы, как только двери лифта раскрылись.

У нашей двери стоял мужчина, перекинув через руку два длинных непрозрачных чехла. В другой руке у него была коробка, которую он держал на ладони с ловкостью вышколенного официанта. И, судя по всему, что-то еще оставалось в стильной черной сумке, на которой красовалась надпись: «Агентство ВИП-доставки Каэри». Курьер? Да его язык не повернется курьером назвать — так выглядят управляющие в дорогих отелях. Заметив, что я направляюсь к нему, мужчина расплылся в доброжелательной улыбке.

— Добрый день! Эсса Лад...

Я одернула Марра, ткнувшегося носом ему в бедро.

— Простите. Добрый день.

— Вам доставка. Два платья от «Ферначери» и «Гармо». Комплект драгоценностей от «Ламкар». И купальные костюмы от «Маррахью Файнтер».

С минуту я хлопала глазами в надежде, что ослышалась.

Потом открыла дверь, пропуская его вперед и придерживая виара.

— Гуляй, чудовище.

Марр радостно убежал в сторону кухни, а курьер вздохнул с облегчением. Я взяла у него коробку и положила на полочку. От меня не укрылось, что безопасник отступил — помогать, судя по всему, не собирался. По всей видимости, в его служебные обязанности это не входило.

Курьер устроил оба чехла на вешалках, кивнул:

— Проверять будете?

Покачала головой.

Из сумки вынырнул футляр со знакомым логотипом, который переключал ко мне в руки. Он вытащил планшет, открыл бланк заказа.

— Пожалуйста, распишитесь.

Не глядя, черкнула роспись.

— Минуту.

Вытащила карточку и провела над планшетом.

— Спасибо.

— Благодарю. Хорошего дня, эсса Ладэ. — Мужчина вежливо улыбнулся и скрылся за дверью.

Не было необходимости даже заглядывать в прикрепленную к коробке карточку, чтобы понять, от кого подарок, но я все-таки посмотрела, чтобы увидеть одно-единственное слово: «*Моей*».

Внутри полыхнуло так, что никакой огонь не нужен.

Желание порезать наряды на тряпочки и отправить в Лаувайс с тем же курьером боролось с женским любопытством. Победило второе, и я расстегнула первый чехол. Роскошное платье алого цвета с открытой спиной и тончайшим кружевом. Второе оказалось темно-синим, к нему прилагались черные перчатки. Оба длинные, в пол. Камни украшений пламенели на кремовом бархате в оковах белого золота. Купальники — один открытый цвета снега под солнцем и другой, черный с серебром, лиф и трусики которого соединялись тонкой полоской вдоль живота, наверняка стоили целое состояние.

Я смотрела на свалившееся богатство, прикидывая, не скормить ли его Марру прямо здесь.

Как бы там ни было, такие подарки в высшем обществе не принято оставлять без внимания. Поэтому я набрала номер.

Халлоран ответил спустя пару гудков, слишком быстро для вечно занятого правящего. Голос его звучал спокойно и отстраненно, словно вчера ровным счетом ничего не случилось.

— Слушаю, Леона.

Сердце обиженно тукнулось о ребра. Ну а чего я ждала, собственно? Извинений? Заверений в том, что это какая-то ошибка?

— Считаешь, что я пойду с тобой в оперу? — поинтересовалась в тон ему.

— Уверен.

Странно, что иней по трубке не побежал. Зато лицо полыхнуло жаром, точно изнутри прорывался огонь. Подавила желание потереть горящую таэртан, потому что сейчас она обжигала не пламенем, а льдом. Сердце превратилось в мячик и скакало в груди, мне почему-то невыносимо хотелось зажмуриться. Хотя говорили мы не по видеосвязи, перед глазами стояло жесткое лицо: сдвинутые брови и вертикальный разрез в алом пламени глаз.

— Я не поеду в Зингсприд, — сказала неестественно спокойно.

То ли потому, что дыхание перехватило. То ли потому, что понимала — если сейчас дам волю чувствам, остановиться уже не смогу. Скажу ему, что свою уверенность он может засунуть себе в... ведро. А после нацепить верх от купальника на голову, колье — на причинное место, и в таком виде явиться в оперу или на Зингспридское побережье. Но с ним нужно говорить на его языке и никак иначе.

— Потому что не могу оставить сестру.

Того немногого, что я прочитала, сейчас оказалось достаточно.

— По закону никто не имеет права приказать иртхану оставить дом, если кто-то из членов его семьи окажется беззащитен в его отсутствие или переживает сложный период в своей жизни.

Молчание растянулось секунды на две и вполне могло бы сойти за замешательство. Если бы я не знала, кто на другом конце провода, и если бы не холодное резкое:

— Значит, возьмешь ее с собой.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

— Что значит — возьмешь? Она тебе что, чемодан без ручки? Танни только что...

— Приказ правящего, Леона. — Рычащие нотки напомнили о затаившемся в ущелье разъяренном драконе. Если еще недавно в его голосе проскальзывал холод, то теперь напоминал раскаленный металл. — Судя по твоей осведомленности, ты прекрасно понимаешь, что это значит.

О да! Это я тоже теперь понимала.

Приказ правящего не подлежит обсуждению. Разумеется, если он не несет в себе «непосредственной угрозы здоровью исполнителя и не причиняет вред окружающим, за исключением пунктов, оговоренных далее». За нарушение полагается наказание на усмотрение ирлхана, приказа которого ты послушался. Предположим, таэрран мне уже не страшна, но помимо нее есть еще такие наказания, как домашний арест и прекращение профессиональной деятельности на неопределенный срок. Мысль о роли Люси, которую я вот-вот получу, была обжигающей. Сердце подскочило до подбородка и забилося там.

— Понимаю, — вытолкнула я.

— Замечательно. Перезвони моему секретарю и сообщи все, что необходимо для бронирования отдельного номера. До встречи в пятницу.

Негромкий звук отбоя разомкнул что-то в сердце. Не выпустив телефона из рук, отправилась на кухню и втянула себя на барный стул. Марр кружил у ног с намеками, что надо бы поесть, но я смотрела только на потемневший дисплей. В том, что по щелчку пальцев Халлорана меня не выкинут из постановки, я не сомневалась, ведь есть же контракт, но... Контракт — это по законам человеческим. По законам ирлханов (из того, что мне удалось прочесть), он действительно может запретить мне выступать, и я не смогу ничего сделать. Именно потому, что я на его территории. Потому что я наполовину ирлханесса и в его власти. Потому что звериные законы действовали на протяжении тысячелетий и в наше время ничего не изменилось.

Точнее, не менялось.

Сейчас самое время начать.

ГЛАВА 2

— Чудесно выглядишь, — сообщил Айн и отступил, чтобы полюбоваться делом рук своих. Ну и магии современных технологий, разумеется.

Раньше для смены цвета волос требовалось просиживать в салонах часа три-четыре. Колорист поведал об этом, когда мы только познакомились. Сам он эти времена уже не застал, но вот его отец, который тоже работал в сфере красоты, как раз много рассказывал о старых методах окрашивания и о том, как сильно они портили волосы. Зато сейчас на такую длину требо-

валось пятнадцать минут для сведения цвета (в специальной колористической капсуле), столько же для нанесения нового оттенка, после чего на усмотрение мастера оставались процедуры ухода и восстановления. Последнее, честно говоря, относилось больше к спа-направлению, потому что окрашивание в наше время волосам почти не вредит.

Я смотрела в зеркало, пытаюсь привыкнуть к себе новой. Это было, по меньшей мере, необычно. Собранный из нескольких платиновый оттенок на родной цвет лег идеально, сейчас даже казалось странным, что я не выбрала его раньше, когда задумалась о сценическом образе. Черты лица стали более мягкими и, почему-то мне так показалось, более тонкими.

Действительно необычно, но мне нравилось.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Особенно за то, что наше время так быстро.

— Брось. — Он ослепительно улыбнулся. — Для тебя я всегда свободен. Почти всегда.

На самом деле мне просто повезло, особенно учитывая, сколько у него клиентов. Я позвонила Айну вчера, и он записал меня на раннее утро сегодня. По-хорошему, смена образа по контракту ждала еще пару недель — с того момента, как меня официально представят прессе как Люси, но я решила не затягивать. Одной из причин стали присланные мне платья, которые вместе с купальниками и драгоценностями отправились в Благотворительный фонд местры Халлоран. Надеюсь, там найдут достойное применение щедрым дарам ее сына.

— И с татушкой клево смотрится, — подвел итог стилист.

Похоже, пора привыкать к тому, что таэрран называют татушкой — это было первое, на что Айн обратил внимание и сказал в точности то же, что и Танни. К счастью, Лэм сегодня была во вторую смену, случись нам пересечься, ей бы я точно соврать не смогла. Как бы там ни было, именно из-за таэрран мы выбрали прохладный оттенок, который сочетался с алой вязью не меньше, чем темные волосы. О магической подчиняющей росписи я вчера читала весь вечер, пытаюсь понять, что же она представляет и с каким отношением из-за нее я столкнусь в Зингсприде. В мире иртханов таэрран начинали надевать на детей со дня пробуждения первых признаков силы за проступки и неповиновение.

Варварская традиция истоками уходила к временам Погасших костров. В те века многие иртханы безнаказанно пользовались своей силой в отношении людей и более слабых иртханов.

Это привело к первому серьезному и кровопролитному восстанию против их власти. Выступление было подавлено, а запирающую роспись-заклинание впервые создал и применил на своих подданных правитель Огненных земель — так тогда называлась Аронгара. Из-за колоссальных залежей золота в горных породах и постоянных пожаров, которые случались по вине смельчаков, пытающихся это золото добыть, тревожа обитателей пустошей и гор.

Вначале таэрран наносили даже на драконов, усиливая ее действие их кровью, чтобы они не могли жечь поселения. Заканчивалось это в большинстве случаев печально, попытки усмирить силу зверя с помощью таэрран неизменно приводили к гибели дракона, а это провоцировало налеты его сородичей. В конечном итоге опыты с таэрран и драконами оставили, зато на провинившихся иртханов надевали без малейших проволок. Избавить от нее мог только тот, кто наносил (в каждое плетение добавлялась частичка личного огня иртхана — клеймо или роспись), и только в самом крайнем случае.

Впоследствии иртханы признали таэрран как меру наказания не только за злоупотребление магией, но и за любые провинности. Таэрран наносят сроком от одного дня до нескольких лет. Пожизненную получил правящий, допустивший налет. Гаррмаланх Хаатхар Эаррн оставил город под угрозой нападения разъяренных драконов, чтобы спасти свою жену, которую похитили его недруги. Произошло это четыре столетия назад.

— А ну, покрутись! — потребовал Айн, вырывая меня из размышлений.

Я покрутилась. Волосы взметнулись за спиной и плавно легли на плечи. После того как ко мне вернулся светлый цвет, объема почему-то стало больше.

— Ну, что я говорил? Шик!

Пепельную шевелюру колориста украшали черные «штрихи». В сочетании с его темными глазами и белой кожей смотрелось на удивление стильно. Хотя сейчас рядом мы вообще выглядели гармонично, как модели перед показом.

— Так... — Он ткнул пальцем в стенд, где стояло бесчисленное множество средств для волос. — Пока не забыл. Оттеночные средства для поддержания цвета «Латрикс». И еще шелк для светлых волос. Рекомендую, особенно оттеночные, потому что с твоим натуральным ты сможешь бывать у меня в два раза реже. Это, несомненно, меня печалит, но...

Фыркнула.

- Подбери мне что-нибудь, Айн. На свое усмотрение.
- Договорились. Соберу самое необходимое и передам

Ирни.

Зная его, можно было представить, что самое необходимое поместится в большой пакет. В очень большой пакет.

Распрощавшись, я вышла в коридор и наткнулась на ледяной взгляд безопасника. Сегодня меня сопровождал другой мужчина, но он не потрудился даже представиться.

Валентен снова молчал, от дружелюбной обстановки, которая царил в присутствии Лидса, не осталось и следа. Впрочем, сейчас у меня все мысли были заняты сестрой. Разговор с ней я отложила, потому что после общения с Халлораном мои нервы можно было сравнить с оголенными проводами под напряжением. Рассудив, что нам с Танни сейчас лишние эмоции ни к чему, решила немного остыть и подумать. Тем более я пока не решила, с какой новости начать: с поездки в Зингсприд или с телохранителя.

Или с новой школы.

Броджек прислала все необходимые документы, кроме выплаты по неустойке, объяснив это тем, что я забираю сестру по своей воле. В ответ я написала, что если она хочет решать вопрос через юриста, это вполне можно устроить. С тех пор ответа так и не получила, но разбираться с директрисой пока не было времени. Вчера я занималась контрактом, законами, а заодно пообщалась с секретарем Халлорана.

То есть сообщила ей, что необходимо забронировать отдельный номер.

Для меня и для Танни.

Приказ ведь подразумевал, что я должна сопровождать его в оперу. Но это вовсе не значит, что я буду сопровождать его в номер.

С приказами правящих вообще все было «чудесно». То есть фактически любой ир்தхан, проживающий в Мэйстоне, безоговорочно подчинялся местру Халлорану. Был еще свод законов об иерархии и рангах, но в него я закапываться не стала. Все равно вальцгардом мне стать не грозит. К счастью. Что касается гражданских, подчиняться и контролировать эмоции ир்தханы учились с самого детства в семье. Преимущественно из-за силы и звериной сути, которая пробуждалась, пусть и поздно, вместе со стихией, но могла сыграть злую шутку, если не уметь с ней справляться.

Приказ правящего считался неправомерным в следующих случаях (это я запомнила буквально по пунктам):

1. Если он несет угрозу жизни или здоровью исполнителя.
2. Если исполнитель не способен выполнить условие приказа по ряду объективных причин, включая недостаточный уровень магии или физические недуги.
3. Если он идет вразрез с нормами морали современного общества.
4. Если он содержит принуждение к физическому контакту.

Судя по тому, как подробно был расписан раздел «Злоупотребление властью» и соответствующие меры пресечения, такое случалось не раз. Наказания там тоже полагались соответствующие, начиная от таэрран и заканчивая смещением с должности и экстренными перевыборами. Как бы мне ни хотелось найти лазейку, ее не было. Даже в том, что касалось Танни, — во время путешествия в Зингсприд Халлоран обеспечивал мою сестру не только надлежащим уровнем защиты, но и сменой обстановки, которая, по сути, сейчас пришлось бы ей как нельзя кстати.

По-хорошему, и мне самой не помешало бы отдохнуть, особенно учитывая, что предстояли длительные репетиции. Премьера назначена через пару дней после Смены Времен, а значит, репетировать будем с утра до ночи. Из сопроводительного письма Хейда я поняла, что скоро уже начнется рекламная кампания. Поскольку таэрран на мне будет целый месяц, в таком виде я и предстану перед прессой, и меня увидит весь Мэйстон, поэтому... остается только носить его с гордо поднятой головой. С первого до последнего дня. И наплевать, кто и как будет на меня смотреть.

С этой мыслью я шагнула в холл, размотала шарф и уже совсем спокойно посмотрела на «татушку». Осталось только подобрать наряды и украшения для выхода. Хотя к таэрран обычные украшения не пойдут, придется импровизировать. Потрепала по голове крутящегося у ног Марра, улыбнулась. Вывернулась из куртки и замерла, одежды сестры на вешалке не оказалось.

— Танни?

В последние пару дней после прогулки с Марром она умудрялась подниматься к себе даже в ботинках, не говоря уже о том, чтобы толком раздеться. Но почему так тихо? Не считая пыхания виара, не доносилось ни звука. Не было даже привычных взрывающих мозг басов и вопящих под них рок-гита-

ристов. Надрывающих голоса так, что мне самой становилось больно.

Взбежала по лестнице, толкнула дверь. Сестры в комнате не было, зато увидела бардак; такое ощущение, что после уборки Мэлз прошел целый месяц. На полу валялись разбросанные вещи, щедро «сдобренные» фантиками и палочками от леденцов. Поднос с пластиковой посудой, в которой застывали остатки еды, упаковка из-под гамбургера и вскрытая банка шипучки. Взгляд зацепился за магнитную шайбочку, валявшуюся на кровати поверх кислотно-сиреновой пижамы с дракончиками. Обычно Танни оставляла на ней сообщения, если не хотела меня будить после ночного выступления в Ландстор-Холле.

Сжала в руке и услышала: «Я знаю, что ты мне не сестра».

Миг — и меня бросило в холодный пот. Пальцы противно затряслись, шайбочка выскользнула и закатилась под кровать. Я бросилась к вещевому шкафу, и дверь отъехала в сторону, часть вещей пропала. Походный рюкзак Танни, который она тащила с собой на пикники с Имери и друзьями, тоже.

Чувствуя, как бешено колотится сердце, набрала ее номер, чтобы наткнуться на автоответчик.

«Если вы слышите эти слова, я либо сдохла, либо сижу на уроке эссе Руйкер. Неизвестно, что хуже. В общем, говорите все, что хотели».

Не дожидаясь сигнала, нажала отбой.

Как? Как она могла узнать?

Так, это сейчас не главное. Главное, найти ее до того, как...

До того как — что?

Куда могла пойти Танни, если ей плохо? Раньше поехала бы к Имери, но с ней она серьезно поругалась. К отцу она теперь на расстояние драконьего дыхания не подойдет, а значит... остается только одно место, где она могла быть.

Из квартиры вылетела, на ходу заворачиваясь в куртку.

Дежуривший на стоянке Валентен тут же выскочил из машины, чтобы подать мне руку, но я отмахнулась.

— Двадцать третий остров.

Собственно, островом он назывался чисто символически, потому что плавно перетекал в пустоши. Дом, где мы жили в прошлом, сейчас со всех сторон окружен новостройками. В основном небогатых торговых компаний, построивших складские клетушки повсюду, из-за чего ночью здесь, наверное, стало еще страшнее ходить. Наш район всегда был не особо бла-

гополучным, но в моем детстве еще не боролись за каждый клочок земли, а переулки были гораздо шире.

Валентен с трудом выбрал место, где посадить флайс. Собственно, и парковок здесь было наперечет. Жители двадцать третьего в большинстве своем не могли похвастаться личным транспортом. Стоило припарковаться на свободном пяточке, на нас тут же начали коситься трое здоровенных парней в потертых куртках. Смотрели ровно до того момента, как из флайса вышло мое сопровождение, после чего они мигом утратили интерес и к машине, и ко мне.

Выскочив прямо в грязное месиво, в которое превратился посыпанный какой-то химией снег, я бросилась к бывшему дому.

Когда мы только-только переехали, у Танни был не самый легкий период.

Расставание с Имери и друзьями, перевод в новую школу. Как-то мы очень сильно поцапались, после чего она убежала сюда. Села на спинку скамейки и часа три глядела в окна квартиры, где прошло ее детство. А потом приехала домой и рассказала, что от нашего двора остались одни воспоминания. Тогда мы обнялись и пообещали друг другу, что больше никогда не будем ссориться.

Потому что мы сестры и мы есть друг у друга.

Вот только сегодня Танни здесь не оказалось, а сваленный в кучи снег полностью закрывал скамейку.

— Что мы здесь делаем? — подал голос безопасник.

И меня прошило воспоминанием. Коротким, но отчаянно острым, как игла ледяного дыхания.

«Что мы здесь делаем?» — спрашиваю я.

«Маму ждем». — Танни потирает замерзшие руки, в подземке сыро, даже когда от раскаленного асфальта становится трудно дышать. Она еще совсем маленькая, хвостики одного цвета торчат в разные стороны. Один повис, потому что съехала резинка.

«Мама больше не придет, Танни», — говорю я. И на глаза наворачиваются слезы, поэтому приходится запрокинуть голову и смотреть в высокий, с наспех замазанными трещинами потолок станции. Недолго, ровно столько, чтобы проморгаться.

Опускаю голову, протягиваю сестре руку, чтобы увести, но она упрямо качает головой.

«Еще пять минуточек. Пока поезд не приехал, я могу ждать».

И высматривает грохочущий в глубине тоннеля поезд, на котором мама обычно возвращалась со смены.

Мы ждали ее по утрам, когда она работала в ночную смену, и по вечерам, когда в дневную. Эсстерд Барт с нами не ходил, потому что уставал на работе, а сотрудники подземки уже узнавали нас в лицо и пропускали без оплаты, чтобы мы не тратили лишние жетоны.

Мы ждали ее вместе.

В то утро тоже. А потом вместе поднялись наверх и больше не встречали поезда.

Когда я очнулась, безопасник смотрел на меня так, словно я тронулась умом.

Может, и тронулась, потому что припустила в сторону подземки, поскользываясь и рискуя грохнуться прямо в грязь. Собственно, бежать здесь было недалеко, сразу за поворотом — вход. Подземку протянули от центра к бедным районам, хотя ее станции встречаются гораздо реже, чем остановки аэроэкспрессов. Это единственный способ передвижения для мэйстонцев, которые не могут позволить себе абонемент полета.

Дыхание перехватывало, когда я спешила вниз по потрескавшимся ступенькам в грязных потеках.

Не знаю, что буду делать, если ее там не окажется.

Не знаю, но...

Я сунула карту в терминал и поймала выскочивший в ладонь жетон. В ушах грохотал пульс, за спиной — шаги безопасника. Что он там будет делать, меня волновало мало; сожравший жетон турникет моргнул, раздвинув скрипучие железные лапы. На эскалаторе приходилось обегать пассажиров. Кто-то толкался, кто-то ругался, когда я задевала локтем или ногой, но я продолжала движение и, только выбежав на станцию, остановилась. Грудь жгло, пришлось опереться руками о колени, чтобы перевести дух.

Обычно мы сидели в самом начале под корявыми граффити, которые перекрывала пошлая надпись. Сейчас от нее ничего не осталось, граффити тоже затерли, но...

Танни сидела на скамейке, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лицом.

Разноцветные пряди рассыпались по кашпошону, между колени зажат рюкзак.

Я на миг замерла, не веря своим глазам.

А потом бросилась к ней.

— Танни.

Мой голос звучал удивительно ровно, как будто сердце не сбивалось с ритма все это время.

Сестра вздрогнула и подняла голову. Недоверчиво посмотрела на меня и нахмурилась.

— Я не вернусь домой.

Вместо ответа я опустилась рядом с ней. На холодное металлическое сиденье, серая краска с которого частично облупилась и кое-где проступала ржавчина. Надо отдать должное безопаснику, он приближаться не стал, застыл в паре метров от нас, у стены. Заметив сопровождающего, Танни уставилась себе под ноги на побитую плитку, узор которой давно перестал быть четким. Вцепилась в рюкзак, словно я собиралась его отнять или волоком тащить вместе с ней к выходу из подземки. Пальцы ее побелели, но она упорно смотрела в одну точку, как если бы меня не было рядом. А я пыталась подобрать слова, которых было слишком много, но нужных сейчас не хватало. Наверное, потому что чувства сложно передать словами, а если получается легко, то это уже не чувства.

— Я сама недавно узнала, — произнесла тихо, но твердо. — И это оказалось... слишком. Я не знала, как тебе сказать.

Да что там, и сейчас не знаю.

— У папаши таких проблем не возникло, — фыркнула сестра, не отрывая взгляда от плитки.

Диран?

Хотя чему я удивляюсь. После его поступка в школе и нашего разговора...

— Не возникло, потому что ему все равно. Но мне не все равно, Танни.

— Неужели? — Она упрямо не поднимала глаз. — С чего бы?

— Потому что для меня важна ты. Твои чувства. Потому что я боялась тебя ранить, понимаешь?

— Броджек позвонила ему и сказала, что ты срываешь меня посреди года и что он должен на тебя повлиять. — Сестра принялась колупать значок с героем комиксов, которые собирала несколько лет назад. От увлечения остался только один — подарок Имери. — Судя по всему, повлиять на тебя он сдрейфил, поэтому позвонил мне. А я сдуру ответила. Потому что так и не сохранила его мобильный в контактах. Говорил, что я должна остаться в школе, потому что у тебя совсем другие приоритеты. И что тебе плевать, даже если я стану драить квартиры богатеньких.

Ну разумеется. А он с радостью воспользовался растерянностью девчонки, чтобы вывалить на нее новость, которую мама просила его сохранить в тайне. Я мысленно пожелала отчиму добровольно сигануть в налий для аккумуляторов. Может, переплавится во что-то более дельное. Хотя вряд ли. Если из него до сих пор ничего путного не получилось, уже не получится.

— И ты поверила?

— Поверила, потому что... — Танни вскинула голову. — Ты ведь одна из них, Леа? Поэтому ты встречаешься с правящим.

Ну что за...

— А об этом ты как догадалась?

— Как-как... Иртханы не встречаются с людьми. Я имею в виду, не сопровождают их до дома. И вообще... Просто раньше я думала, что дело в твоём папаше.

М-да. Сестра у меня, оказывается, очень наблюдательная.

— Для меня это ничего не меняет.

— Уверена? — Она усмехнулась. — Ты действительно хочешь, чтобы я жила с тобой? Просто человек рядом с такой, как ты?

Загрохотал поезд, принося с собой волну затхлой сырости из тоннеля.

— Мама всегда выходила из последней двери последнего вагона, — сказала я, чтобы разорвать молчание. — Прямо напротив нас.

Сестра неверяще взглянула на меня.

— Ты так поняла, где меня искать?

Кивнула.

— А что ты помнишь еще?

Ее слова слились с грохотом синхронно раскрывшихся дверей и шумом устремившихся на станцию и в вагоны людских потоков.

— Многое. Помню, как мы ходили выбирать подарок на ее день рождения и ты расстроилась, потому что наших карманных денег за полгода не хватило на сумочку, которая нам понравилась.

— Поэтому мы купили шляпку, — фыркнула Танни.

Мама носила эту шляпку, хотя к тому времени они уже выходили из моды и у нее не было решительно ни одного подходящего под нее платья. Носила, пока края совсем не обтрепались, но даже тогда она ее не выкинула.

— Она стояла ровно столько, что еще осталось на замороженный крем в стаканчике. И ты жаловалась, что я ем быстрее, поэтому тебе достанется меньше.

— Ты действительно ела быстрее, — хмыкнула сестра и обхватила себя руками.

— Мама больше не придет, Танни, — повторила свои же слова, не позволяя ей снова закрыться. — Но я здесь. Я приду всегда. Я всегда буду на твоей стороне, что бы ни случилось. Потому что я твоя сестра, и это тоже навсегда.

Танни моргнула. Фиолетовые глаза, один в один мамины, стали еще больше, а потом губы у нее задрожали. Она поспешно отвернулась. Пожалуй, слишком поспешно, рюкзак с глухим стуком свалился на пол. Сестра потянулась, чтобы его поднять, под дрожащими ресницами сверкнули непролитые слезы.

— Эй, — прошептала тихо. — Я люблю тебя.

А потом мягко притянула ее к себе, позволяя уткнуться лицом в куртку и глядя поверх растрепанных разноцветных прядей на растекающиеся по станции людские потоки. Танни плакала мне в плечо тихо, вздрагивая всем телом, я же все крепче сжимала ее в объятиях, осторожно гладила по голове. Почему никто не говорил, что быть иртханессой — это чувствовать так... проникновенно. Яростно. До глубины сердца, до сбивающегося дыхания.

Будь то отчаяние или...

Нежность, переходящая в светлую радость.

— Хорошо, — прошептала во вздрагивающую макушку. — Все будет хорошо.

Так мы и сидели, позабыв обо всем. До тех пор, пока тихие всхлипы не сошли на нет, а с противоположной стороны не загрохотал очередной поезд.

— Леа... — Танни икнула и судорожно выдохнула мне в шарф.

Осторожно отстранилась, словно смутилась минутной слабости.

— Что?

Она подняла глаза, поспешно вытирая их рукавом.

— Это ведь ты заставила Мика скакать без штанов?

Разумеется, ей уже донесли, что Мик припустил по стадиону именно после нашего разговора. Глупо было надеяться, что она не узнает. Даже при условии, что Танни почти не общалась с одноклассниками, эта история наверняка прогремела на всю школу. Ну и пусть. Несмотря на то что благодаря случившемуся я обзавелась таэрран, ни на минуту не пожалела о содеянном. Пусть Лодингер на своей шкуре испытает всю прелесть высокого звания «голозадый скакун».

— Да, — призналась честно.

— Как? — Глаза ее по-прежнему блстели, но теперь уже не только от слез. — Ты что-то ему сказала или...

Ну все, если в ход вступило здоровое подростковое любопытство, значит, можно спокойно выдохнуть. Хотя бы на время.

— Или.

Танни закусила губу, взволнованно глядя на меня.

— Ты... то есть все это время... слушай, а что ты вообще умеешь?

Так, а вот это лишнее.

— Поговорим об этом позже.

Сестра разочарованно вздохнула.

— Позже так позже. А что мы будем делать сейчас?

— Поедем домой и выберем тебе новую школу.

Танни фыркнула и закатила глаза.

— Почему я не сомневалась, что этот вопрос не заставит себя ждать?

— А вечером отправимся в торговый центр за купальниками. Как ты смотришь на то, чтобы устроить себе небольшие каникулы?

Решила закрыть тему сразу, пока сестра не успела опомниться.

— Каникулы?

— Да. Пара денечков отдыха на Зингспридском побережье нам не помешает.

Глаза ее загорелись.

— Зингсприд? — Танни вскочила так резко, что я едва успела подхватить рюкзак, чтобы он снова не кувыркнулся. — Погоди-ка... Ты едешь знакомиться с семьей?

Вот теперь икнулось мне.

— С чего бы?

— Ты ведь знаешь, кто твои родители? Или ты уже с ними встречалась?

— Нет.

— Но...

— Моя семья не особо жаждет меня видеть.

Сама не знаю, зачем это сказала. Не собиралась ведь, слова просто вырвались сами. И я рассказала ей все, начиная со вспышки на юбилее и заканчивая тем, что удалось узнать в Рагране. Рассказала, избегая подробностей, с упором на свое происхождение, а не на магию. О том, что в прошлом моя настоя-

щая мама была вынуждена бежать в другую страну, что все документы, связанные с ее жизнью, по чьей-то милости были уничтожены и нужно проводить расследование, чтобы выяснить, кто я на самом деле. Танни слушала, не перебивая, слезы высохли окончательно. Странно, но говорить об этом с сестрой было легко. Я чувствовала, словно внутри трескается панцирь так долго сковывающего меня напряжения.

Даже удивительно, как спокойно стало на душе после этого разговора.

Впервые за все время после ужина в Скай Стрим.

— Вот же наблы, — подвела итог Танни, когда я замолчала. — Не переживай, Рэйнар точно их найдет.

Мне икнулось второй раз.

Говорить о Рэйнаре я сейчас точно была не готова, равно как и о том, что поисками родителей теперь намерена заняться сама. Поэтому поспешно поднялась.

— Поехали домой.

Танни взяла у меня рюкзак, и мы направились к эскалатору.

— А он что, постоянно за тобой таскается? — Сестра кивнула на сопровождение.

— Это временно.

— Потому что ты с Рэйнаром, и у вас все серьезно?

— Танни!

— Ладно, молчу.

Молчала она недолго, до выхода из подземки.

— А ты уже видела драконов?

— Видела.

Танни задохнулась.

— Серьезно? Страшно было?

Страшно? Ну, если вспомнить пустоши, наверное. Хотя сейчас, после всего, что узнала, я бы не назвала страхом то, что испытала в тот вечер. Не говоря уже о чувствах, которые вызывал ковыляющий по полигону драконенок, переваливающийся с лапы на лапу. Или дракон, который смотрел мне в самое сердце, когда наши сердца бились в унисон. Когда пламя текло от меня к нему и обратно.

— Нет, — покачала головой.

— Нет?

— Разве что немного. Драконы очень красивые.

— И ты не боялась, что тебя могут спалить? Ничутьки?

— Драконы не нападают без причины.

— Совсем? Никогда?

Покачала головой:

— Никогда.

— А...

— Танни, на сегодня достаточно.

Надо четко оговорить с сестрой, что можно обсуждать, а что нет. По идее приближенные к иртханам люди в курсе многих нюансов, в том числе и магии, но все они подписывают бессрочные договоры о неразглашении. Неустойки и методы пресечения за длинный язык по ним драконовские. Буквально. Неудивительно, что в мир людей просачиваются самые крохи — те, что иртханы считают незначительным. Разумеется, Танни никакой документ подписывать не будет, но серьезно поговорить на тему конфиденциальности все равно придется.

— Очешуешь! Личный водитель. Привет!

Танни помахала Валентену, плюхнулась на заднее сиденье флайса и первым делом откинула крышку портативного визора.

— Включу, ты же не против?

Ответить не успела, потому что главный канал Мэйстона явил нам местрель Стоунвилл во всей своей неповторимой идеальности. На сей раз она принимала мэйстонского репортера в резиденции отца во Флангстоне, о чем сообщалось в бегущей строке. Надо отдать должное, место было шикарное, но, судя по отведенному на передачу времени, попали мы на самый конец трансляции.

— ...Счастливы, что вы возвращаетесь. С чем был связан столь скорый отъезд? Если мой вопрос уместен, разумеется.

— Разумеется. — Ирргалия ослепительно улыбнулась. — Это было небольшое семейное недоразумение, которое, к моему счастью, недавно благополучно разрешилось.

— Это кто? — поинтересовалась Танни.

То ли выражение лица у меня было ошарашенное.

То ли челюсть неудержимо стремилась вниз.

Небольшое? Семейное? Недоразумение?

Благополучно разрешилось?

— Что ж, взаимно рад. — Репортер расплылся в улыбке. — Что бы вы хотели сказать мэйстонцам, которые с замиранием сердца ждут вашего возвращения?

Местрель Стоунвилл посмотрела в камеру своими пронзительно-сиреневыми глазами.

— Я жду встречи с вашим гостеприимным городом и со всеми вами. И искренне счастлива, что в самом скором времени Мэйстон станет мне родным.

— Вы смерти моей хотите! — патетично воскликнул стилист.

Тот же самый, который готовил меня к выступлению на юбилее. О его приезде мне вечером сообщила секретарь Халло-рана. Я не стала возражать, тем более что платье все равно уже было куплено, а собираться самой намного сложнее, когда вокруг тебя не порхают стилист и визажист.

Сейчас же только развела руками.

— Но... как? — взвыл он. — В прошлый раз, когда мы виделись, вы были брюнеткой!

— Шатенкой, — поправила я. — Мне захотелось перемен.

— И платья! У вас же должно быть красное на сегодня...

— Красный не подходит к моему новому образу.

К слову, я выбрала бледно-розовое платье в пол. Остановилась на стильной классике с элегантным вырезом-лодочкой, потому что «украшение» на шее других не предполагало. Зато руки были почти открыты полностью, не считая перчаток. Спина тоже — хоть и менее откровенно, чем в платье для выступления в Ландстор-Холле, все равно достаточно, чтобы притягивать взгляды. Пока стилист приходил в себя, я устроилась у зеркала и приготовилась становиться красивой. Очень красивой.

Вчера, несмотря на крайне насыщенный день, я долго не могла заснуть. Сначала пыталась не думать об Ирргалии. Часа так два с половиной. Возвращалась она на свою помолвку, которая должна была состояться на следующей неделе. По всему выходило, что Шахррейн с сыном ездили во Флангстон, чтобы просить у Стоунвилла ее руки. Странно, что метящий в Председатели согласился отдать дочь не за правящего. Но, видимо, такое родство его полностью устраивало. То ли он рассчитывал на статус ректора Райгенсфорда, почетного гражданина и второго лица Мэйстона, то ли на то, что рано или поздно Шахррейн станет правящим. С наибольшей вероятностью второе. Поскольку сила крови древнего рода (в сочетании с поддержкой Председателя Совета, разумеется) способна поставить их на одну ступень с Халлоранами.

По-хорошему, Шахррейн и Стоунвилл провернули стратегически верную комбинацию. Запретить невесте аристократа въезд в город — значит не только окончательно поставить под угрозу дипломатические отношения между городами, но и вбить клин между сильнейшими семьями Мэйстона. Что, в свою очередь, приведет к распрям уже в нашем городе.

Короче, как ни крути — дерьмо.

От таких мыслей у меня в прямом смысле пухла голова. Хотелось пойти на кухню, потопать ногами и разбить чашечку, а лучше две. Впрочем, можно и больше об голову Ирргалии и ее папаша, не жалко даже кофейного сервиза на четырнадцать персон. Ну и о головы Шахрейнов заодно. Сама не представляю, с чего так завелась, по большому счету все эти ир்தханские политические игры меня не касались. Но заснуть все равно почему-то не могла. С политики мысли то и дело перескакивали на встречу с Рэйнаром. Сердце начинало биться в горле, а губы гореть. Не знаю, почему именно губы. Я несколько раз одергивала себя, однако тщетно. В итоге плюнула и опять взялась за законы, если прочистить себе мозги не получается, нужно их забить.

— Как вы смотрите на то, чтобы убрать волосы наверх? С вашим, э-э...

Я не знала, в курсе ли стилист, что такое таэрран, поэтому внимательно посмотрела на него.

— Целиком и полностью доверяю вашему вкусу.

Он улыбнулся.

— Тогда поднимем и пустим волну по лбу справа налево. К такому фасону и с вашими чертами будет идеально.

Кивнула и закусил губу.

Танни уже должна была собраться — по крайней мере, с утра она носилась как заведенная. Даже представить не могла, что предстоящая поездка ее настолько увлечет. Сестра на удивление спокойно восприняла новость по поводу Рольгена, а во время знакомства сама вызвалась приготовить нам кофе, который, правда, у нее вышел как обычно, вот только сути это не меняло. Поскольку прибежали мы вчера как раз к приезду Лидса, вопрос со школой решила отложить до возвращения. Пусть отдохнет и развеется, а на свежую голову подумает, чего хочет на самом деле.

Главное сейчас, что между нами не осталось никаких тайн. Почти. Я постоянно ловила на себе любопытные взгляды и не сомневалась, что как только выдастся минутка посвободнее, меня снова забросают вопросами об ир்தханах.

Честно говоря, это беспокоило гораздо меньше предстоящего.

И уж тем более того, что все-таки удалось вычитать по поводу наставничества. Неудивительно, что я ничего не нашла сразу: «хаэррмарэ вэйлерр» в переводе с древнеир்தханского означает «единство пламени». Довольно древний ритуал, в современном мире такое случалось крайне редко и являлось скорее

прецедентом, нежели нормой. Оно и понятно — зачем кому-то избирать себе наставника, если существуют академии? Да еще и связывать себя почти неразрывными узами на все время обучения.

Вэйлар оказался прав, этот договор действительно нерасторжим.

За исключением одной маленькой поправки: оспорить наставничество после проведения ритуала мог только верховный правитель. Он единственный мог заменить наставника без претензий и политических конфликтов. Если бы рассмотрел в ученике потенциал, который захотел развивать лично.

Верховный правитель.

Гердехар Аррингсхан.

И у меня осталась его визитка, на которую я сегодня смотрела бесчисленное множество раз.

Перед тем как убраться в клатч.

Чтобы не смахнуть что-нибудь с туалетного столика, пришлось положить вспотевшие ладони на колени и уставиться в свое отражение. Прямоком в таэрран. Всякий раз, когда я смотрела на пламенеющую вязь, взгляд вопреки всякой логике холодел и разум тоже. Внутри нее, как в реалистичном 3D-шоу, текли огненные реки, словно магма по ущельям, раскаляя четко очерченные контуры, зато мысли выстраивались стройными рядами и дышать становилось проще.

— Вы великолепны. — Визажист отступила. — Нравится?

Удивительно, но, несмотря на бушующий внутри меня ураган чувств, сейчас моему взгляду могла позавидовать даже мистра Халлоран: теплый макияж не сумел растопить холод. Прическа по последней моде была безупречна. Крупные волны собраны на затылке, лоб и лицо обрамляет почти касающаяся правой брови прядь. Браслет и серьги из белого золота подчеркивали теплый оттенок платья: неброские драгоценности шли к волосам, туфелькам и клатчу, поэтому все было гармонично. Наверное, никогда раньше я не казалась себе такой... местрель.

— Недурственно! — бормотал стилист, разглядывая меня с разных сторон. — Недурственно... невероятно!

Не представляю, что означало «невероятно» в его исполнении, но довольное выражение лица однозначно говорило о том, что образ удался. Впрочем, когда я вышла из комнаты, большие глаза Танны развеяли остатки сомнений. Пока спускалась по лестнице, она рассматривала меня так, будто видела впервые.

— Тебя даже обнимать страшно, — сообщила сестра, когда я приблизилась.

Вместо ответа я обняла ее сама.

— Так лучше?

— Значительно. — Она широко улыбнулась и показала на сумки, стоявшие у дверей. — Все готово.

— Тогда выдвигаемся. Не скучай, чудовище, и веди себя прилично.

— Виу! — Виар заглянул в глаза и принялся умилительно переминаться с лапы на лапу: «Не уезжайте!»

Присмотреть за Марром вызвалась Лэм. Мы договорились, что он останется дома, но они с Дрэйком по очереди будут к нему заглядывать — погулять, покормить, почесать между ушами, чтобы ему не так отчаянно «скучалось» и «грустилось».

Потрепала Марра по голове и шагнула к дверям. Стилист накинул мне на плечи полушубок, который предстояло снять сразу после прохождения телепорта в Зингсприд. Хотел помочь сестре, но Танни уже привычно упаковалась в дутик, который скрыл майку-безрукавку. Легкие джинсы с дырками на коленях и не только особенно интересно смотрелись в сочетании с зимними ботинками.

— Что? — поинтересовалась она, поймав мой взгляд. — Не хочу тратить время на переодевание.

— Так и будешь гулять по Зингсприду? — хмыкнула.

— Только шлепанцы надену.

Глаза сестренки сияли, она уже предвкушала приключения. Мне предстояло сразу ехать в оперу с Рэйнармом, а Танни в отель, весь вечер будет в ее распоряжении. Вчера после шопинга она сразу уселась составлять список мест, где хотела бы побывать. Как все это можно успеть за два дня — не представляю, но главным пунктом в программе был музей 3D-моделирования при известной киностудии «Ларгори Стейзерс».

Стоило открыть дверь, Дыр-Дыр окинул меня небрежным взглядом, стремительно меняясь в лице.

Стилист театрально вздохнул и бросился к лифтам. На этот раз мы не опаздывали, но мне все время приходилось себя сдерживать, чтобы не бежать в ритме ускоряющегося сердца. О том, что последние минуты отсчитывают время до встречи, тоже старалась не думать. Перехватила удивленно-восхищенный взгляд Валентена, ответила короткой улыбкой и села во флайс. Танни сразу прилепилась к стеклу. Она явно не собиралась

упускать ни минуты полета в лучах зимнего солнца по верхней аэромагистрале.

— Чудесно выглядите, эсса Ладэ.

— Спасибо, Валентен.

Поправлять не стала — если водителю хочется держать дистанцию, это его право.

— Передадите ключи Лэмерти Долливан, как мы договаривались?

— Разумеется.

— Танни, ты не забыла?

— Что?

— Ключи, разумеется.

— Не-а. — Сестра сунула руку в карман дутика и помахала карточками.

Добрались быстро, снова шли уже знакомой дорогой к ВИП-залам. Танни озиралась по сторонам, запрокинула голову, когда над нами раскрылась голограмма, я же смотрела перед собой. Тем не менее постоянно ловила на себе взгляды, раньше такое было только на сцене. Сейчас же чувствовала, как они скользят по моему лицу, одежде и волосам. Самые разные — от восхищенных до завистливых.

— Эсса Ладэ, — сотрудница Мэйстон-телепорт одарила меня неизменной улыбкой, такая же досталась Танни. — Эсса Ладэ.

Прежде чем я успела сделать шаг, Танни дернула меня за рукав и зашептала:

— Меня назвали эсса Ладэ! ВИП-зал! Seriously?! Ты видела, как она на нас смотрела?

Мне удалось нацепить маску ледяного спокойствия, но, когда я шагнула в зал, внутри все перевернулось. Успела только отметить, что охраны здесь сегодня как на пресс-конференции.

Иртехан повернулся ко мне и замер, пробежавшись взглядом по волосам, по губам, по сгибам локтей. Огонь его глаз прожжет от завитушек таэрран до кончиков пальцев.

Мгновение узнавания между ударами сердца.

Неверие. Темнеющий взгляд.

Яростное алое пламя отозвалось в каждой клеточке тела, словно на мне была не одна, а тысячи его меток.

— Эсса Ладэ. — В сильный голос ворвались едва уловимые рычащие нотки.

Глубоко вздохнула и ответила легкой улыбкой. Удивительно, но во мне почти не осталось переживаний. А те, что оста-

лись, я затолкала так глубоко, как только была способна. Сегодня в Зингсприде увидят не наказанную полукровку, а ир்தханесу, которая даже таэрран носит с достоинством.

— Местр Халлоран, — чуть понизила голос.

И протянула руку для поцелуя.

ГЛАВА 3

Зрачок его сузился до крохотной точки, показалось, что сейчас взметнется в вертикаль и заполнит радужку цветом огня, но нет. Ир்தхан коснулся моей руки и поднес к губам. Сжимая пальцы чуть сильнее, чем того требовал этикет. Обжигая обманчиво-человеческим взглядом, однозначно говорящим, что я — его. И поцелуем, который даже через шелк перчатки заставил сердце подпрыгнуть к горлу. Только когда Халлоран отвлекся на Танни, поздоровавшись с ней, мысленно вздохнула с облегчением. Мне вообще удивительно повезло, что с нами была Танни и эскорт охраны: при них держать лицо было намного проще. Да и не собиралась я больше доставлять ему удовольствие и срываться.

Ни за что!

Поэтому спокойно положила руку поверх предложенной мне, направляясь к телепорту.

— Надеюсь, больше сюрпризов на сегодня не предвидится? — Тихое рычание только для меня.

— Смотри, что ты подразумеваешь под сюрпризами. — Я мило улыбнулась.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я, — прозвучало обманчиво-спокойно.

— О чем же? — Невинно хлопнула глазами.

Это скрип зубов или он раздавил что-то?

— О твоей непредсказуемости.

Ответить не успела, мы шагнули в зал перехода, и Танни не сдержала восхищенного возгласа. До этого дня она видела телепорты только в блокбастерах, сети и всяких научно-познавательных передачах. Поэтому сейчас с любопытством озиралась по сторонам, пока часть охраны правящего уже проходила в Зингсприд, чтобы встречать нас на другой стороне.

— Круто! — заявила сестра, пока над ее рукой скользили сканирующие лучи.

Оглянулась на нас и подмигнула.

— Предсказуемость — это скучно, — шепнула я, когда Танны нырнула в арку перехода.

Разумеется, я не собиралась устраивать ничего такого, но если ему так хочется...

Пусть понервничает.

Одарила Рэйнара очаровательной улыбкой и положила ладонь на медицинский сканер. В арку мы шагнули вместе, легкое головокружение — и мы уже в Зингсприде. Столичный ВИП-зал отличался только масштабами и цветами: сталь и синева. В этих же тонах была форма улыбочивых портпроводниц. В сопровождении охраны и не прекращающей озираться Танны мы вышли в зал ожидания, где Рэйнар помог мне снять полшубок.

Сестра уже снимала дутик. За окнами в высоком небе с подкрашенными в разные цвета облаками самое большое срезало взошедшую над городом первую луну, по-летнему огромную. Танны вертела головой, как сигнальным маячком, кажется, даже забыла о том, в каком составе мы прибыли. Впрочем, распрощаться нам пришлось именно здесь, ее должны были сопроводить в отель, и она уже была на низком старте от нетерпения. Только рукой помахала, исчезая за дверями вместе с одним из безопасников.

Нас с Халлораном вывели в коридор к другому выходу.

Вывели в прямом смысле, еще никогда в жизни у меня не было ощущения, что вокруг меня сжимается кольцо из людей. В данном случае — из охраны правящего. Мы шли не через общий зал, минуя лабиринт безграничного Зингспридского телепорта. Все было быстро, слаженно, профессионально, по дороге нам попадались исключительно сотрудники местной службы безопасности, один из них и распахнул дверь, ведущую на отдельную стоянку, где стояло лишь несколько флайсов.

Для нас и для охраны.

В лицо ударил горячий воздух, на миг стало нечем дышать.

Не то из-за влаги, которой он был насыщен, не то из-за чувства, что я шагнула из зимы в лето. Но ведь и правда шагнула: там, в Мэйстоне остались снега и мороз, а здесь... Я даже замешкалась на миг и тут же почувствовала пристальный взгляд безопасника. Ну и пусть, у него работа такая, а я дышала влажным воздухом, впитывая новые ощущения и наслаждаясь теплом. Правда, наслаждалась на ходу по пути к машине, потому что иначе меня бы снесло стремительной охраной.

— До океана здесь далеко, — сказал Рэйнар, пока мы шли к флайсу. Оно и неудивительно: Зингсприд разрастался от береговой линии вглубь материка, телепорт на самой его окраине. — На побережье влажность еще выше.

Не представляю, куда уж выше.

Хотя там наверняка одуряюще пахнет солью. Как в некоторых соляриях и бассейнах с океанской водой. Пока что тянуло только кожей, кондиционированной прохладой и дорогим парфюмом. Стоило водителю поднять флайс, перед глазами по нарастающей засверкали иглы высоток.

Зингсприд построен полукольцами, точнее, районы в нем так расположены. Самая дорогая жизнь — на побережье, где разместились элитные дома и самые высокие многоэтажки. Насколько я знаю, там очень много зелени. Дальше идет деловой центр, за ним районы попроще, а потом окраина. Здесь черед промышленных предприятий, но телепорт стоит особняком, как и в Мэйстоне, дальше тянутся необитаемые территории, а за ними начинаются пустоши.

Что и говорить, Зингсприд был прекрасен.

Невероятен.

Огромен. Стоило нам выйти на верхнюю магистраль, как я оценила масштабы раскинувшегося вокруг мегаполиса.

И, конечно, возвышающуюся впереди пока еще тоненькую, но даже отсюда величественную иглу Вайовер Грэйс, Зингспридской Лаувайс.

Не представляю, какая сила требуется, чтобы удержать такой город в безопасности.

— Бесподобно. — Негромкий голос Рэйнара заставил очнуться.

— Бесподобно, — подтвердила я и откинулась на спинку.

— Ты выглядишь бесподобно.

От неожиданности я чуть не свалилась с сиденья, благо падать особо некуда, с одной стороны дверца, с другой он. Вальтись в руки его иртвамства тоже не было ни малейшего желания. Зато, судя по темному взгляду Рэйнара, он только этого и ждал, потому что потянулся к моему лицу, почти коснулся светлой пряди. Я перехватила его руку раньше, чем успела на себя разозлиться — за полыхнувший внутри костер и желание почувствовать это прикосновение.

Всем сердцем. Всем существом. Всей кожей.

На себя за минутную слабость, на него, потому что...

Потому что смотрел он на меня как на свою собственность.

Вот не собиралась я этого делать, но сейчас плавно подалась вперед.

Почти вплотную к нему. Касаясь коленями коленей, дыханием — дыхания.

— Благодарю, — прошептала прямо в губы. — Местр Халло-ран.

После чего мягко отвела его руку.

Вот теперь его зрачок действительно вытянулся, в глубине алого пламени заворочался зверь, но я отвернулась к окну. Гул-ко ухающее в груди сердце согласно унялось, зачарованное ви-дами.

Собственно, посмотреть действительно было на что: вдалеке уже маячила кромка побережья. Стемнело на удивление быстро, и цвет океанской воды, подкрашенной огнями, напоминал опрокинутое ночное небо. Верхняя магистраль стелилась огненной лентой, стремительно стягиваясь за спиной в нить, рекламные голограммы вспыхивали там и тут, стальные змеи аэро-экспрессов — ощутимо длиннее, чем в Мэйстоне, — извивались под нами сверкающими нитями.

Поворот, еще и еще.

Вблизи Зингспридская опера раскрывалась огненными лепестками, свет от которых плескался в темном зеркале воды. Чаша, на которой располагалось здание, казалась парящей над побережьем. Разумеется, удерживали ее прочные конструкции, однако из-за особенностей архитектуры и подсветки сейчас их не было видно. От красоты захватывало дух, казалось невозможным представить, каково будет ступить туда и очутиться рядом с раскаленными кристаллами, пронзающими темное небо. В зале, где голос Шайны возносился под высокие своды, сводя с ума миллионы людей.

Стоило мне об этом подумать, как мы пошли на снижение.

В подсветке «купалось» не только здание оперы, но и расцветавшая под огнями зелень. Высокие пальмы и ухоженные газоны, сверкающая россыпь светильников вдоль многочисленных дорожек, оплетающих «драконий цветок». Садилась рядом с центральным входом, полыхающим огнями у зазубрин дверей. Тонкие полоски постоянно то смыкались, то размыкались, впуская роскошно одетых женщин и мужчин во фраках. До начала оставалось совсем немного времени, поэтому снаружи никто надолго не задерживался. Впрочем, стоило нашему флайсу опуститься, как все взгляды, словно магнитом, потянулись к нему.